

ЛАУРА РОССИ

(Италия)

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ: БИОГРАФИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

В истории русской культуры имя Аполлона Григорьева связано прежде всего с так называемой органической критикой. Это не критическая система в традиционном смысле слова. О ней можно скорее говорить как о философском и эстетическом воззрении, воплощавшемся в свободной критической практике, или, пользуясь выражением Григорьева, как о «веянии». Прилагательное «органическая» следует воспринимать в связи со взглядом на жизнь как на единое целое, организуемое общим принципом, при бесконечном разнообразии материальных и духовных его проявлений.

В искусстве, а в особенности в литературе, А. Григорьев усматривал «органический продукт» жизни, ею естественно, непредсказуемо и бесконечно порождаемый. С одной стороны, искусство являлось отражением и средоточием всего того настоящего и вечного, что скрывается под жизненными явлениями, с другой — именно оно вносило в жизнь все новое и тем самым служило главным двигателем жизненных процессов. Это, в сущности, и приводило к отождествлению искусства и жизни, при том искусство оказывалось высшей формой жизни (американский ученый Виктор Террас это понятие синтетически выражает формулой *art = life*ⁿ [1, p. 73]).

Между тем Григорьев подчеркивал близкое родство литературы и критики как жизненных сил, подчиняющихся одному критерию [2, с. 129, 156]. То, что искусство чувствовало интуитивно и выражало синтетически, критика истолковывала и передавала аналитически, поэтому она тоже осуществляла динамическую функцию жизненных процессов.

Современные истолкователи философских и эстетических воззрений Аполлона Григорьева уделяли больше внимания первому уравниванию (искусство = жизнь), чем второму (критика = искусство). Они ставили и большей частью решили вопрос об истоках григорьевской теории или, точнее, о соотношении его мысли с богатой европейской традицией. Не забывали они подчеркнуть и внешний параллелизм между определениями отношения искусства и жизни у Григорьева и у Чернышевского, указывая в то же время на существенное их различие, поскольку оба критика исходили из противоположных (мистико-эстетических и материалистических) философских воззрений [3, 4].

Совершенно праздным представляется вопрос об обоснованности григорьевских теоретических построений, т. е. в конечном итоге о том, правильны ли его уравнивания. Здесь не место сложным рассуждениям о сущности и об основах философии идеализма. Но органическая теория позволяет заменить Жизнь с прописной буквы — «бездну, поглощающую всякий конечный разум», по излюбленной Григорьевым формуле, — конкретным

* Автор представил статью в редакцию на русском языке.